

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2011
XX**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
714
EXPRESS-ISSUE**

СОДЕРЖАНИЕ

-
- 2507-2511 Материалы по гнездовой биологии туркестанской камышевки *Acrocephalus stentoreus* в Таджикистане. П. В. КВАРТАЛЬНОВ
- 2511-2513 Новые данные по орнитофауне Семипалатинской области. С. Г. ПАНЧЕНКО
- 2513-2514 Гнездование белощёкой крачки *Chlidonias hybridus* под Семипалатинском. В. А. СЕЛЕВИН
- 2514-2516 Залёт рыжей цапли *Ardea purpurea* на юг Магаданской области. И. В. ДОРОГОЙ
- 2516-2521 О гнездовании ушастой *Asio otus* и болотной *A. flammeus* сов на Западном Алтае. Б. В. ЩЕРБАКОВ
- 2522-2529 О территориальном и охотничьем поведении чеглока *Falco subbuteo* и чёрного коршуна *Milvus migrans* на Южном Алтае. Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ
- 2530-2531 О миграциях пуночек *Plectrophenax nivalis*. В. А. АРСЕНЬЕВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XX
Express-issue

2011 № 714

CONTENTS

- 2507-2511 Notes on the breeding biology of the clamorous reed warbler *Acrocephalus stentoreus* in Tajikistan.
P. V. KVARTALNOV
- 2511-2513 New data on avifauna of the Semipalatinsk Oblast.
S. G. PANCHENKO
- 2513-2514 Breeding of the whiskered tern *Chlidonias hybridus* under Semipalatinsk. V. A. SELEVIN
- 2514-2516 Vagrant purple heron *Ardea purpurea* in the south of the Magadan Oblast. I. V. DOROGOY
- 2516-2521 Breeding biology of the long-eared *Asio otus* and short-eared *A. flammeus* owls in Western Altai.
B. V. SHCHERBAKOV
- 2522-2529 On territorial and hunting behaviour of the hobby *Falco subbuteo* and black kite *Milvus migrans* in Southern Altai. N. N. BEREZOVIKOV
- 2530-2531 On migrations of the snow bunting *Plectrophenax nivalis*. V. A. ARSENIYEV
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Материалы по гнездовой биологии туркестанской камышевки *Acrocephalus stentoreus* в Таджикистане

П. В. Квартальнов

Павел Валерьевич Квартальнов. Кафедра зоологии позвоночных, биологический факультет, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Ленинские горы, 1199998, Россия. E-mail: cettia@yandex.ru

Поступила в редакцию 22 декабря 2011

Туркестанская камышевка *Acrocephalus stentoreus* – широко распространённый вид, распадающийся на несколько подвигов, из которых относительно хорошо изученным является *A. s. brunnescens* (Jerdon, 1839), заходящий на гнездование в Среднюю Азию. Основные особенности гнездовой биологии этой птицы известны (Ахмедов 1957; Ковшарь 1972; Абдусаламов 1972; Аметов 1987а,б). Описания гнёзд и кладок имеются также в неопубликованных рукописных материалах Н.А. Зарудного (Зоологический институт РАН) и В.В.Леоновича (Зоологический музей Московского университета). В то же время материалы по социальному поведению этого вида ограничены единственной статьёй А.С.Опаева (2008).

Основные наблюдения проводили в 2011 году в Кабодианском районе Таджикистана, в низовьях реки Кафирниган. Первая туркестанская камышевка отмечена нами 28 апреля: самец пел демонстративно на стеблях тростника в сырой низине, на поле пшеницы. На следующий день на расстоянии около 50 м от него поселился, начал петь другой самец. Пение этих птиц слышали и позже (по меньшей мере, до 18 мая), их гнёзда мы не искали. Помимо небольших куртин, заселённых этими камышевками, другого тростника поблизости не было. В пшенице птицы не селились. В те же дни отмечали пролётных туркестанских камышевок. Единичные птицы пели: 10 и 18 мая в кронах туранги *Populus diversifolia* во временно затопленной роце близ кишлака; 11 мая в кустах лоха в низине на краю полупустыни; 14 мая в кронах плодовых деревьев в саду. 29 июня пение бродячего самца туркестанской камышевки слышали уже в Ишкашимском районе Горно-Бадахшанской автономной области в зарослях ивы и облепихи в долине реки Пяндж, близ кишлака Зумудг, на высоте 2700 м н.у.м. (36°55′ с.ш. 72°11′ в.д.). Эти птицы чередовали пение с кормёжкой в кронах деревьев и кустарников. Они не охраняли участки.

Камышевки в массе гнездятся по тростникам каналов системы орошения в окрестностях кишлака Тешик-Тош (37°06′ с.ш. 68°14′ в.д.).

Самцы поют в тростниках, реже в кронах деревьев, растущих по берегам каналов. 21 мая подробно обследован участок канала длиной 180 м и шириной около 3 м (максимальная глубина его около 80 см).

Найдены 16 построек туркестанской камышевки. В гнезде № 10-11 находились 3 только что вылупившихся птенца. Три гнезда (№№ 2-11, 3-11, 6-11) содержали кладки из 4 яиц, в одном из них (№ 3-11), кроме того, лежало яйцо кукушки *Cuculus canorus*. В гнезде № 1-11 была кладка из 3 яиц. В гнезде № 11-11 было 2 яйца, в гнёздах №№ 7-11 и 9-11 – по 1 яйцу. Гнёзда №№ 5-11 и 8-11 находились в процессе строительства. Гнёзда №№ 4-11 и 12-11 представляли заготовки, по-видимому, брошенные птицами (вероятно, первые постройки пар, имевших гнёзда №№ 5-11 и 11-11). Явно брошенными были заготовки №№ 6а-11, 7а-11 и 8а-11, найденные в непосредственной близости (менее 1 м) от жилых гнёзд №№ 6-11 и 8-11. Наконец, гнездо № 1-10 сохранилось с 2010 года.

Таким образом, на обследованном участке канала гнездились 10 пар туркестанских камышевок. Подавляющее число брачных союзов были моногамными (самцы беспокоились наравне с самками или запевали поблизости от гнёзд). Участки самцов, чьи гнёзда располагались поблизости, перекрывались, но агрессии птиц по отношению друг к другу мы не отметили. Птицы беспокоились только рядом со своими гнёздами, не подлетали к гнёздам соседей. Кроме того, на обследованном участке канала пели 4 холостых самца. Если гнёзда располагались на участках высокого тростника, с участием прошлогодних стеблей, то холостые птицы пели в зарослях молодого, невысокого и разреженного, тростника.

Расстояние между соседними жилыми гнёздами в поселении туркестанской камышевки в среднем составляло 11,5 м. Оно было минимальным между гнёздами № 1-11 и № 10-11 (2 м), максимальным – № 8-11 и № 9-11 (26 м). Расстояния рассчитывали по координатам, полученным с помощью GPS-навигатора (определены с точностью 5-8 м). Наложение точек на снимок местности в программе GoogleEarth показывает, что вычисленные нами расстояния между некоторыми гнёздами оказались больше, чем они были в действительности.

Все гнёзда были построены из сухих листьев тростника (в том числе листьев, расщеплённых на волокна), веточек метёлок тростника (с пухом) и пуха тростника. В двух постройках птицы использовали шерсть (в небольшом количестве). Лоток во всех гнёздах выстлан веточками метёлок тростника (без пуха). Использование влажного материала не отмечено. Наши наблюдения подтверждают данные А.С. Опаева (2008) о том, что туркестанские камышевки предпочитают использовать в качестве опор стебли молодого тростника. Гнёзда №№ 1-11, 7а-11, 7-11, 8а-11, 9-11 и 12-11 были приплетены к трём зелёным стеблям тростни-

ка, гнёзда №№ 2-11, 3-11 и 6-11 – к двум зелёным стеблям, №№ 4-11 и 5-11 – к одному сухому и двум зелёным стеблям. Отличались от остальных гнёзда № 8-11, приплетённое к 6 тонким зелёным стеблям тростника, № 10-11, приплетённое к 4 сухим стеблям тростника, и № 11-11, укреплённое на стволике и вертикальной ветке дерева вяза, растущего на берегу канала, среди тростника. Материал брошенной заготовки № 6а-11 держался на одном зелёном стебле тростника, гнездо № 1-10 было приплетено к двум стеблям тростника.

Гнёзда располагались над водой, в зарослях сухого и зелёного тростника (высота зарослей над водой – около 5 м). Большинство построек (13 из 16) размещались на высоте от 46 до 100 см над водой, в среднем (без учёта брошенных заготовок, $n = 7$) – в 74.3 см от воды. Два гнезда 2011 года были построены на высоте 119 и 122 см над водой, в 151 см от воды располагалось гнездо № 1-10, сохранившееся с предыдущего года. Глубина воды под гнёздами составляла от 10 до 77 см. Размеры гнёзд ($n = 8$), мм: внешний диаметр 96.0 ± 8.14 (82-106); диаметр лотка 66.75 ± 4.17 (61-73); глубина лотка 62.88 ± 5.67 (58-74); высота гнезда 122.36 ± 34.32 (87-190). По сравнению с гнёздами, найденными на юге Казахстана (Опаев 2008), постройки имели несколько больший внешний диаметр – видимо, из-за того, что птицы в Таджикистане не использовали влажный материал для изготовления стенок.

Наши наблюдения позволяют уточнить сроки размножения и биотопические предпочтения туркестанских камышевок в Таджикистане. Первые гнёзда на юге республики эти птицы строят вскоре после прилёта (конец апреля или первые числа мая). Таким образом, суждение о том, что туркестанские камышевки приступают к гнездованию только спустя 2-3 недели после прилёта первых птиц (Ковшарь 1972), не соответствует действительности. Птицы тесно связаны с тростниками и придерживаются водоёмов или постоянно сырых мест (таких как орошаемые поля). В зарослях тростника, стоящих на суше, мы туркестанских камышевок не находили (обследованы тростники в понижениях в долине Аму-дарьи и на высохших Шаартузских озёрах). По наблюдениям Р.Л.Потапова (1959), в тех местах, где уровень воды испытывает значительные колебания в конце весны и начале лета (пойменные водоёмы в низовьях реки Вахш), туркестанские камышевки гнездятся в очень ограниченном числе, не используя всю площадь тростников. Заселяя заросли сельскохозяйственных культур, они селятся лишь там, где есть хотя бы немногочисленные стебли тростника.

Редуцированная территориальность для *Acrocephalus stentoreus* описана А.С.Опаевым (2008). По нашим данным, сходный тип организации поселений свойствен и другому виду, обитающему в условиях полупустынь – индийской камышевке *A. agricola* (Квартальнов 2005). С высокой плотностью в полупустынной зоне селится также близкая к

камышевкам южная бормотушка *Hippolais rama*. По нашим наблюдениям в апреле-мае 2011 года, у бормотушки отсутствуют жёстко регламентированные территории. Участки поющих самцов перекрываются, два самца могут одновременно ухаживать за самкой в попытке образовать пару. Бормотушкам *Hippolais (Iduna) spp.*, а также родственной им толстоклювой камышевке *Phragmaticola aedon* вообще свойственно отсутствие системы жёстких территорий (наши данные; Д.А.Шитиков, в печати). Однако у камышевок рода *Acrocephalus* территориальное поведение, как правило, хорошо выражено (Квартальнов 2005), и общие черты его редукции у видов, гнездящихся в засушливых областях, позволяют предполагать их приспособительный характер. Южные водоёмы обладают хорошей кормовой базой, а высокие температуры позволяют родителям кормиться самим и собирать корм для птенцов, не затрачивая лишние усилия на обогрев кладок или выводков. В то же время из-за периодического усыхания водоёмов площадь местообитаний, пригодных для гнездования птиц, может значительно сокращаться (Кривенко 1991). В таких условиях попытки сохранить жёсткую систему территориальности привели бы к исключению значительного числа птиц из размножения, либо к дезорганизации гнездовой жизни в поселениях, вызванной настойчивыми попытками птиц, прилетевших позднее, вселиться на участки, уже занятые ранее прибывшими особями. Редуцированная территориальность позволяет этим видам в максимальной степени реализовать свой репродуктивный потенциал.

Исследования проведены при финансовой поддержке РФФИ (грант № 01-04-01363) и Rufford Small Grants Foundation, благодаря помощи и поддержке руководства и сотрудников Института зоологии и паразитологии АН РТ, а также радушному гостеприимству Раиса Абдуллаева Рахматулло (председателя хозяйства Ависто).

Литература

- Абдусалямов И.А. 1972. Фауна Таджикской ССР. Т. 19. Ч. 2. Птицы. Душанбе: 1-404.
- Аметов М.Б. 1987а. О гнездовании дроздовидной камышевки в низовьях Амударьи // *Орнитология* **22**: 199.
- Аметов М.Б. 1987б. О гнездовой биологии дроздовидной камышевки в низовьях Амударьи // *Млекопитающие и птицы Узбекистана. Тез. докл. совещ. Узбек. отд. ВТО и ВОО. Ташкент-Самарканд, 4-5 февраля 1985 г.* Ташкент: 50-51.
- Ахмедов К.Р. 1957. Птицы населённых пунктов юго-западного Таджикистана // *Учён. зап. Сталинабад. жен. пед. ин-та* **1**: 101-113.
- Квартальнов П.В. 2005. Структура сообщества камышевок юга России. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.: 1-24.
- Ковшарь А.Ф. 1972. Туркестанская камышевка – *Acrocephalus stentoreus* Hempr. et Ehrenb. // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **4**: 87-91.
- Кривенко В.Г. 1991. *Водоплавающие птицы и их охрана*. М.: 1-273.

- Опаев А.С. 2008. Социальная организация и гнездовая биология туркестанской камышевки – *Acrocephalus stentoreus* (Hemprich et Ehrenberg, 1833) // *Поволж. экол. журн.* 4: 304-316.
- Потапов Р.Л. (1959) 2006. Очерк летней орнитофауны заповедника «Тигровая балка» // *Рус. орнитол. журн.* 15 (334): 971-998.

**Notes on the breeding biology of the clamorous reed warbler
Acrocephalus stentoreus in Tajikistan**

P.V.Kvartalnov

The clamorous reed warbler *Acrocephalus stentoreus brunnescens* is a widespread but insufficiently studied species from Central Asia. We recorded first singing territorial birds at Kabodian region of Tajikistan in small reed patches at crop field at 28 April 2011. We observed transient birds feeding and singing in bushes and tree crowns till 14 May in Kabodian region and at 29 June in Ishkashim region (Panj river valley, 2700 m above sea level, N 36°55' E 72°11'). We inspected a settlement of clamorous reed warblers at a narrow canal with reed stands near Teshik-Tash village (N 37°06' E 68°14') at 21 May. At the reed patch 180 m long and 3 m wide we found 10 warbler pairs with nests and 4 bachelor males. There were one nest with 3 newly-hatched chickens, three nests with 4 eggs (one contained also an egg laid by cuckoo *Cuculus canorus*), one nest with 3 eggs, one nest with 2 eggs, two nests with 1 egg, two building nests, five abandoned unfinished nests and one 2010-year nest. Birds preferred green reed stems for supporting their nests; one nest was built on a little elm tree above the water. Distances between occupied nests were 2-26 m (in average 11.5 m). Unlike many its congeners *A. s. brunnescens* has reduced territoriality, as the other species breeding at semidesert lakes – the paddyfield reed warbler *A. agricola*. We discuss the phenomenon of reduced territoriality as adaptation for birds breeding at unstable but rich of food wetlands in warm climate.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 714: 2511-2513

**Новые данные по орнитофауне
Семипалатинской области**

С.Г.Панченко

*Второе издание. Первая публикация в 1965**

Фауна птиц Семипалатинской области изучена недостаточно. Литературные сведения бедны и в большинстве своём опубликованы до 1930 года. Из сводных статей следует назвать «Список птиц окрестностей Семипалатинска», составленный В.А.Хахловым и В.А.Селевиным в 1928 году. Нами птицы Семипалатинской области изучались в тече-

* Панченко С.Г. 1965. Новые данные по орнитофауне Семипалатинской области // *Новости орнитологии (Материалы 4-й Всесоюз. орнитол. конф.)*. Алма-Ата: 290-291.

ние семи лет, с 1956 по 1963 год. Полученные данные позволяют сделать некоторые поправки и дополнения к списку птиц В.А.Хахлова и В.А.Селевина (1928).

К категории гнездящихся следует добавить таких птиц, как малая выпь *Ixobrychus minutus*, кеклик *Alectoris chukar*, мохноногий сыч *Aegolius funereus*, кукушка *Perisoreus infaustus* и ремез *Remiz pendulinus*. О гнездовании этих видов в окрестностях Семипалатинска сведений нет, а малая выпь вообще не упоминается в списке птиц.

Некоторые виды были причислены к категории гнездящихся только на основании того, что были встречены в гнездовое время. Таковы большой улит *Tringa nebularia*, мородунка *Xenus cinereus*, круглоносый плавунчик *Phalaropus lobatus*, щеголь *Tringa erythropus*, турухтан *Philomachus pugnax*, кулик-воробей *Calidris minuta*, длиннопалый песочник *Calidris subminuta*, белохвостый песочник *Calidris temminckii*, краснозобик *Calidris ferruginea*. В действительности все эти виды птиц для Семипалатинской области относятся к пролётным, а в некоторых случаях к летующим, которым свойственно проводить лето в кочёвках по внегнездовой части ареала. Нередко все они наблюдаются в большом количестве, а на местах кормежек образуют смешанные стаи.

Следует внести поправки в описание характера пребывания других видов птиц. Чёрный турпан *Melanitta fusca* и усатая синица *Panurus biarmicus* отнесены к категории случайных видов. Нами они довольно регулярно встречались на осеннем пролёте небольшими стайками на озере Декала.

Серые куропатки *Perdix perdix* отнесены к оседлым птицам. По нашим наблюдениям, они совершают регулярные зимние миграции.

В литературе отсутствуют сведения о зимовке в Семипалатинской области таких птиц, как пастушок *Rallus aquaticus*, рябинник *Turdus pilaris* и тёмнозобый дрозд *Turdus atrogularis*. Мы регулярно встречали их каждую зиму по согре Иртыша, где они кормятся червями, моллюсками и бокоплавами по незамерзающим ключам.

За 35 лет со времени выхода работы В.А.Хахлова и В.А.Селевина фауна птиц значительно изменилась. Резко сократилась численность дрофы *Otis tarda*, стрепета *Tetrax tetrax*, степной белой куропатки *Lagopus lagopus major* (Lorenz, 1904), серого журавля *Grus grus* и ряда видов пластинчатоклювых.

Не способствуют увеличению запасов дичи правила и сроки охоты, в которые необходимо внести изменения. Прежде всего, весеннюю охоту следует разрешать только на самцов таких птиц, которые не образуют постоянных пар и не участвуют в воспитании молодняка (селезни уток, самцы тетерева *Lyrurus tetrix*). Нельзя разрешать весеннюю охоту без различия пола на таких птиц, как серый гусь *Anser anser*, лысуха *Fulica atra*, серый журавль *Grus grus*, все виды куликов. По нашим наблюде-

ниям, серые гуси, кряквы *Anas platyrhynchos*, шилохвосты *Anas acuta* и некоторые другие промысловые птицы начинают гнездиться уже с 25 апреля, а молодняк у большинства промысловых видов поднимается на крыло лишь к 1 сентября. Правила охоты же разрешают весеннюю охоту до 3 мая, а осеннюю – уже с 20 августа. Такие сроки не обеспечивают нормального гнездования птиц, прироста популяции, так как весной истребляются гнездящиеся птицы, а осенью – поголовно молодняк, ещё не поднявшийся на крыло. Мы считаем, что весеннюю охоту следует заканчивать не позднее 25 апреля, а осеннюю – начинать не раньше 1 сентября.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 714: 2513-2514

Гнездование белощёкой крачки *Chlidonias hybridus* под Семипалатинском

В.А.Селевин

Второе издание. Первая публикация в 1927*

В течение десяти лет наблюдений над птицами окрестностей Семипалатинска мне лишь однажды привелось встретиться здесь с белощёкой крачкой *Chlidonias leucopareia* (Temminck, 1820) [*Chlidonias hybridus* (Pallas, 1811)]. Редкие птицы появились 29 апреля 1920 верстах в трёх к востоку от Семипалатинска в числе 10-12 особей. После этого я неоднократно встречал их тут течение всего мая, но лишь 10 июня мне удалось обнаружить гнездовую колонию этих птиц. В это время кладки, состоявшие из 3 яиц, были сильно насижены. Гнёзда помещались среди густых тростниковых зарослей; одно из них было устроено на лабзе – плавающей куче тростника, а остальные находились в кочках на зыбкой трясине, окружённой со всех сторон водою. Поблизости от гнездовья белощёких крачек помещалась большая колония чёрных крачек *Chlidonias niger*. В период высиживания белощёкие крачки вели себя очень беспокойно, старались прогнать от колонии всякую мимо пролетающую птицу, издавая непрерывно громкие крики. Вскоре после вывода молодых, которые 8 июля были ещё в пуху, белощёкие крачки неожиданно покинули окрестности Семипалатинска. По словам жившего здесь рыбака, эти крачки прилетали сюда и гнездились уже не первый год, но в 1921 году я их больше не

* Селевин В.А. 1927. Гнездование белощёкой крачки под Семипалатинском // *Uragus* 4 (5): 26-27.

встретил. Один экземпляр был добыт и по нему проведено определение. В окрестностях Семипалатинска проф. В.А.Хахловым (в печати) белощёкая крачка несколько раз замечена и добыта весной и в осеннее время (1915 год).

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 714: 2514-2516

Залёт рыжей цапли *Ardea purpurea* на юг Магаданской области

И.В.Дорогой

Игорь Викторович Дорогой. Институт биологических проблем Севера ДВО РАН, Магадан, Россия.
E-mail: dor_1955@ibprn.ru

Поступила в редакцию 21 декабря 2011

Рыжая цапля *Ardea purpurea* Linnaeus, 1766 – широко распространённый вид авифауны Старого Света, представленный в южной и юго-восточной Азии подвидом *A. p. manilensis* Meyen, 1834, населяющим территорию от Пакистана до Филиппин и Индонезии (Brazil 2009; Приклонский 2011). Изредка гнездится на юге архипелага Рюкю (A Field Guide to the Birds of Japan 1990; Brazil 2009). В пределах России гнездится в окрестностях озера Ханка на юге Приморья (Глущенко и др. 2002), в низовьях Амура на юге Хабаровского края (Росляков 1981, 2000; Бабенко 2000) и в Амурской области (Дугинцов, Панькин 1993). В качестве редкого залётного вида эта цапля отмечена в Среднем Сихотэ-Алине (Елсуков 1985 – цит. по: Бабенко 2000), на юго-востоке острова Сахалин (Гизенко 1955; Нечаев 1991), на западе острова Тюлений (Гизенко 1955) и на юго-западном побережье Камчатки в районе реки Большой (Герасимов, Герасимов 1982). Данный вид занесен на страницы Красных книг Хабаровского края (2000), Сахалинской области (2000) и Амурской области (2009).

Одиночная молодая рыжая цапля *A. p. manilensis* (см. рисунок) была поймана одним из местных жителей во время сильной пурги 10 октября 2011 на северной окраине Магадана (59°34' с.ш., 150°49' в.д.). Местность представляла собой отрезок проезжей части дороги на левом берегу реки Магаданки. Крайне истощённая и обессилевшая птица в тот же день была доставлена в городской Детский экологический центр (ДЭЦ). Там она в течение нескольких дней была выхожена персоналом данного учреждения и живёт до настоящего времени.

Молодая рыжая цапля *Ardea purpurea manilensis* Meyen, 1834
в вольере магаданского Детского экологического центра.
19 декабря 2011. Фото автора.

Мы затрудняемся объяснить причину столь дальнего (более чем на 1000 км от ближайших мест гнездования) залёта птицы на север, но сам факт, на наш взгляд, весьма любопытен. На сегодняшний день окрестности Магадана – наиболее северная точка, в которой отмечена рыжая цапля – новый вид авифауны Магаданской области.

Литература

- Бабенко В.Г. 2000. *Птицы южного Приамурья*. М.: 1-724.
- Герасимов Н.Н., Герасимов Ю.Н. 1982. Орнитологические находки на Камчатке // *Вопросы географии Камчатки* 8: 89-91.
- Гизенко А.И. 1955. *Птицы Сахалинской области*. М.: 1-328.
- Дугинцов В.А., Панькин Н.С. 1993. Список птиц Верхнего и Среднего Приамурья в административных границах Амурской области // *Проблемы экологии Верхнего Приамурья*. Благовещенск: 120-140.
- Красная книга Амурской области*. 2009. Благовещенск: 1-446.
- Красная книга Сахалинской области*. 2000. Южно-Сахалинск: 1-192.
- Красная книга Хабаровского края*. 2000. Хабаровск: 1-464.
- Нечаев В.А. 1991. *Птицы острова Сахалин*. Владивосток: 1-748.
- Приклонский С.Г. 2011. Рыжая цапля *Ardea purpurea* Linnaeus, 1766 // *Птицы России и сопредельных регионов: Пеликанообразные. Аистообразные. Фламингообразные*. М.: 355-367.
- Росляков Г.Е. 1981. Краткие сведения о некоторых редких и малоизученных птицах Нижнего Приамурья // *Редкие птицы Дальнего Востока*. Владивосток: 112-115.

Росляков Г.Е. 2000. Рыжая цапля *Ardea purpurea* (Linnaeus, 1766) // *Красная книга Хабаровского края*. Хабаровск: 284-285.

A Field Guide to the Birds of Japan. 1990. Tokyo; New York: 1-336.

Brazil M. 2009. *Birds of East Asia*. London: 1-529.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 714: 2516-2521

О гнездовании ушастой *Asio otus* и болотной *A. flammeus* сов на Западном Алтае

Б.В.Щербаков

Борис Васильевич Щербаков. Казахстанское отделение Мензбирова орнитологического общества, проспект Ушанова, д. 64, кв. 221, Усть-Каменогорск, 492024. Казахстан.
E-mail: biosfera_npk@mail.ru

Поступила в редакцию 15 декабря 2011

В основу сообщения положены наблюдения автора в период с 1955 по 2011 год на Западном Алтае (Восточно-Казахстанская область).

Ушастая сова *Asio otus otus* (Linnaeus, 1758)

Обычный гнездящийся и редкий зимующий вид в бассейне Иртыша в пределах Западного Алтая. В горно-таёжной части гнездится в верхнем течении Белой и Чёрной Убы (Щербаков, Березовиков 2007). Обычна в нижнем течении Бухтармы, Хамира и Тургусуна (Березовиков и др. 1993; Лухтанов, Березовиков 2003). Охотно живёт в лиственных и смешанных лесах, избирая колковые насаждения либо поселяясь вблизи опушек. Во время гнездования наиболее обычна в древесно-кустарниковых насаждениях в поймах рек, особенно по Иртышу. В горы заходит до высоты 2000 м н.у.м. (Сушкин 1938), что соответствует и нашим наблюдениям. Выше, у верхней границы горной тайги, изредка появляется лишь в период послегнездовых кочёвок.

Весенний пролёт в долине Иртыша и алтайских предгорьях проходит в марте-апреле. Летят ушастые совы поодиночке и небольшими группами, концентрируясь в местах с высокой численностью мышевидных грызунов. В предгорьях прилетают раньше, чем в более высоких районах гор. Так, у озера Маркаколь они появляются между 12 и 28 апреля (Березовиков 1989), тогда как в подгорной зоне Западного Алтая – во второй декаде марта. Например, в 1965 году в кленовой роще острова на Иртыше на южной окраине Усть-Каменогорска 16 марта наблюдалась стая из 16 особей, 17 и 18 марта из них осталось только 6 и 5, 19 марта – 3 совы. В яблоневом саду Усть-Каменогорска

пару сов встретили 10-11 марта 1977 (Березовиков, Егоров 2007). В пойме Хамира у села Столбоуха (южные отроги хребта Холзун) голоса самцов ушастой совы по ночам в 1992 году стали слышны с 28 марта (Лухтанов, Березовиков 2003). Последние группы по 4-6 сов по иртышским островам близ Усть-Каменогорска отмечены 3 апреля 1961, 4 и 11 апреля 1969, одиночки – 24 марта 1971, 8-10 марта и 6 апреля 1965. Таким образом, пролёт ушастых сов на западной окраине Алтая длится в среднем около месяца и заканчивается к середине апреля.

Гнездовые участки ушастые совы занимают сравнительно рано, когда земля, особенно в невысоких частях гор, ещё покрыта снегом. Так у города Риддера в урочище Чашино, расположенного на южных отрогах Убинского хребта, 27 марта 1971 одна из двух сов была испугнута из вороньего гнезда, устроенного на пихте *Abies sibirica* в 15 м от земли. К этому времени сова уже разгрэбла в нём снег.

Из 11 осмотренных гнёзд 2 были устроены в прошлогодних постройках восточной чёрной вороны *Corvus corone orientalis*, 2 – грача *Corvus frugilegus* и 7 – сороки *Pica pica*. На территории дачного посёлка в пойме Иртыша в черте Усть-Каменогорска (с другого берега иртышской протоки) в мае-июне 2009 года наблюдалась пара ушастых сов, поселившаяся в оставленном серыми воронами *Corvus cornix* гнезде и успешно выростившая в нём 3 птенцов.

Наиболее ранняя кладка ушастой совы с 7 яйцами разной степени насиженности найдена 23 апреля 1967 в сорочьем гнезде, устроенном на иве в пойме горной речки Чащевитой у Риддера (1000 м н.у.м.). Средний размер яиц этой кладки – 43.1×33.1 мм. В пойме Иртыша около Усть-Каменогорска (330 м н.у.м.) в гнезде ушастой совы 5 мая 1973 находилось 5 насиженных яиц. На одном из иртышских островов ниже села Предгорное 21 мая 1974 в гнезде содержалось 4 разновозрастных птенца: у старшего на крыльях уже появились кисточки перьев, младший был ещё непрозревшим. В пойме Бухтармы у села Лесная пристань (400 м) 26 мая 1971 в 4 осмотренных гнёздах ушастой совы содержалось: 1) 3 пуховых птенца и 2 яйца-«болтуна»; 2) 1 хорошо оперённый птенец и 2 в пуху; 3) 5 пуховых птенцов; 4) 2 полуоперённых птенца. В пойме Иртыша у села Прапорщиково 26 июня 1968 в гнезде находилось 4 полуоперённых птенца; у посёлка Глубокое 29 июня 1968 – 2 подпархивающих птенца, готовых к вылету; у села Барашки 3 июля 1968 – 3 подпархивающих совёнка. На Иртыше в устье Убы 3 июля 1968 в двух гнёздах было по 4 оперившихся птенца. В долине Белой Убы у заимки Старковка в отрогах Убинского хребта (700 м) 9 июля 1972 на гнездовом участке держалось 4 летающих, но ещё подкармливаемых родителями слётка.

Молодые ушастые совы с наступлением сумерек подают голоса, требуя корма. Изредка их голоса слышатся и в дневное время. Не

способные ещё летать, но оперённые, совыта выбираются из гнёзд и много времени проводят на соседних ветвях, после чего возвращаются в гнездо. Хорошо оперённый, но ещё не летающий птенец, погибший из-за того, что его лапа застряла в развилке ветвей, обнаружен 16 августа 2006 в пойме Иртыша у Усть-Каменогорска.

Осенний отлёт начинается в конце сентября и продолжается в течение всего октября. В это время ушастые совы чаще всего держатся небольшими группами по 3-5 особей. Возможно, это ещё нераспавшиеся выводки. На днёвку в это время они устраиваются в древесных, часто островных насаждениях, затаиваясь среди зарослей, приуроченных к логам, либо к поймам рек. Совы в эту пору обычно хорошо упитанны, что обусловлено оптимальной численностью и большей доступностью мелких мышевидных грызунов, которыми они в основном кормятся. Одна из ушастых сов пойманная 13 октября 1966 около Усть-Каменогорска и содержавшаяся в большом сарае в течение 10 суток, отказывалась от предлагаемых мелких мышевидных грызунов и птиц. По истечению этого срока она оставалась энергичной и была выпущена на свободу.

Между ушастыми совами случаются серьезные стычки. Так, 15 октября 1979 в окрестностях Усть-Каменогорска днём из зарослей тополей вылетели две совы. Поднявшись метров на 15, они вцепились друг в друга когтями и упали в траву. После этого одна из них не смогла сразу взлететь и была мной поймана. Бедро и бока её были серьезно травмированы и кровоточили. После недолгого содержания дома она обрела способность к полёту и была выпущена.

Заметный осенний пролёт ушастых сов группами от 4 до 6 особей в окрестностях Усть-Каменогорска в 1961-1967 годах длился с 20 октября по 10 ноября. Стаю примерно из 35 особей встретили 20 октября 1967 на иртышском острове в черте Усть-Каменогорска (Хроков, Березовиков 1990). В пойме Иртыша у села Берёзовка пролётных сов в разные годы встречали между 29 сентября и 28 октября (Березовиков и др. 2000). В горно-таёжной части 7 октября 2005 ушастая сова отмечена на хребте Холзун в границах Западно-Алтайского заповедника (Щербаков 2005). Осенью 1970 года, когда на западной окраине Алтая наблюдалась вспышка численности мышевидных грызунов, ушастые совы встречались в пойме Иртыша очень часто и почти повсеместно. Так, 10 октября на маршруте протяжённостью 2 км, проходившему по Комсомольскому острову, было поднято 15 сов.

Во второй половине ноября пролёт ушастых сов затухает. Последние особи у Усть-Каменогорска отмечены 27 ноября 1967, когда температура воздуха была в пределах минус 10-15°C и земля была покрыта снежным покровом. В среднем течении Ульбы у села Зимовьё одиночку видели уже в ранних зимних условиях 2-3 ноября 1968 (Березовиков,

Егоров 2007). В небольшом числе ушастые совы зимуют в пойме Иртыша на западной окраине Алтая, встречаясь в тополевых рощах и ивовых зарослях, реже по береговым скалам южных и юго-восточных склонов гор, обращённых к Иртышу. Нередко появляются в населённых пунктах. Так, в Усть-Каменогорске их наблюдали на пунктах хранения зерна, на Маслопрессовом заводе, где они охотились на мелких мышевидных грызунов и зерноядных воробьиных птиц. В городе и по его окраинам зимующие ушастые совы в одиночку и группами до 3 особей наблюдались 1 декабря 1967, 5 декабря 1966, 3 января 1965, 12 февраля 1989, 16 февраля 1967, 1 января 1963, 12 января 2009 и 12 января 2009. В 1971-1979 годах совы в одиночку и группами до 5 особей зимовали на пойменных островах Иртыша в окрестностях Берёзовки (Березовиков и др. 2000).

Численность ушастой совы за последние годы заметно сократилась. Одной из причин снижения их числа является отстрел их охотниками. Так, в 1970 году во время вспышки численности мелких грызунов в пойме Иртыша на протяжении 15 км от Комсомольского острова до села Прапорщиково в среднем через каждые 300-500 м встречалось по одной убитой сове.

В зобах и желудках 3 ушастых сов, добытых в январе и апреле, обнаружены 4 черепа мышевидных грызунов и остатки перьев домовых воробьёв *Passer domesticus*. В.В.Хроков у добытой осенью ушастой совы в желудке и пищеводе обнаружил 9 полевых мышей *Apodemus agrarius*. В желудке совы, добытой в марте на Пионерском острове в границах города Усть-Каменогорска в желудке обнаружены 2 черепа воробьёв и 8 мышей.

Болотная сова *Asio flammeus flammeus* (Pontoppidan, 1763)

Во второй половине XX столетия болотная сова была обычной, а в настоящее время стала редкой гнездящейся птицей долины Иртыша и предгорий Западного Алтая в междуречье Ульбы и Убы. В 1960-1970-е годы она была обычной птицей на пойменных лугах нижнего течения Бухтармы у Зыряновска и в прилежащих предгорьях (Березовиков и др. 1993). Населяет сырые и слегка заболоченные места в поясе предгорий, приуроченных к долинам рек, изредка проникает в лесной пояс до высоты 500 м над уровнем моря. Лишь однажды одиночная болотная сова встречена нами в гнездовое время (2 июля 1974) среди разреженных зарослей полярной берёзки *Betula rotundifolia* на обширном заболоченном плато у восточной оконечности Ивановского хребта (2100 м н.у.м.). Кроме того, летом 2000-2001 годов совы наблюдались на лугах в пойме Белой Убы в урочище «Осиновая яма» (Щербаков, Березовиков 2007). В соседнем Южном Алтае гнездование этих сов установлено в котловинах горных озёр на высотах до 1750 м (Березовиков

1989), в Бухтарминской долине и на плато Укок, на высоте более 2000 м над уровнем моря. (Стариков 2006).

Весеннее появление в долине Иртыша около Усть-Каменогорска отмечено 7 апреля 1972. Токующего самца здесь видели 14 апреля (Березовиков и др. 2000). В долине Ульбы у села Бутаково летающая днём болотная сова наблюдалась 16 мая 1970. Токующую днём сову наблюдали у Усть-Каменогорска 22 мая 1972. Птица с коротким покрякиванием делала в воздухе один-два круга, останавливалась на мгновение, потрясывая и «постукивая» крыльями и, словно отряхиваясь, трясла и хлопала крыльями, крутила головой во время непродолжительного пикирования. Совершив несколько небольших кругов, она повторила свои воздушные эволюции.

В пойме Иртыша болотных сов в 1968 году наблюдали 16 июня около Усть-Каменогорска, 26 июня у села Прапорщиково, 30 июня у села Убаредмет и 1 июля в устье Убы. Кроме того, по Иртышу у села Берёзовка эта сова встречена 29 июня 1969, ниже Усть-Каменогорска – 2 июля 1971 и 5 июля 1979. В горно-лесной части района отмечена 23 июня 1966 в долине Ульбы между сёлами Черемшанка и Зимовьё. Дважды болотные совы наблюдались летом низко летающими над поверхностью воды Иртыша, по всей вероятности, высматривающие сную рыбу, которой здесь обычно промышляют чёрные коршуны *Milvus migrans*. В гнездовое время приходилось также видеть охотившихся днём болотных сов над остепенёнными лугами среди сопок, прилегающих к пойме Иртыша. Здесь, видимо, они охотились за рептилиями. Во время охоты они время от времени останавливались, зависая в воздухе на высоте 3-5 м, как это обычно делает пустельга *Falco tinnunculus*, о чём пишет и В.Ф.Гаврин (1962). Иногда во время охоты совы присаживались на вершины невысоких скал и выступающих камней, высматривая прытких ящериц *Lacerta agilis*.

Появление кладок приходится, очевидно, на начало мая, так как 11 мая 1974 среди луга на одном из островов Иртыша выше села Берёзовка Н.Н.Березовиков нашёл гнездо с кладкой из 7 свежих яиц (Хроков, Березовиков 1990). В нижнем течении Бухтармы в степных предгорьях у села Пролетарка 20 мая 1970 найдена кладка из 7 яиц (Лухтанов, Березовиков 2003). Сова, проявляющая беспокойство на гнездовом участке, 2 июня 1972 наблюдалась в пойме Иртыша ниже Усть-Каменогорска. Оперённый нелётный птенец 26 июня 1968 пойман на острове Иртыша у села Прапорщиково. Молодую сову 5 августа 1966 поймали на пойменном лугу Иртыша у села Донское.

В отличие от ушастых сов, осенний отлёт у *A. flammeus* начинается раньше. У села Верх-Уба болотная сова добыта 4 сентября 1956 (Березовиков и др. 2000). Стайка из 5 особей 23 сентября 1972 наблюдалась В.А.Егоровым у села Винное, в 10 км севернее Усть-Каменогорска, а 16

сентября 1954 одиночка добыта в пойме Иртыша около Усть-Каменогорска. На зимовке болотная сова не отмечалась.

В начале 1960-х годов болотная сова была обычной птицей в левобережной части Иртыша между Усть-Каменогорском и горной группой Монастыри в предгорьях Калбы. Много сов гибло на автомобильной трассе Алма-Ата – Усть-Каменогорск, при этом птицы попадали под колёса, бились о стекла; были попытки людей ловить ослеплённых птиц, взлетающих из-под грузовых автомашин. Особенно обычными совы были в широкой заболоченной пойме реки Кулуджун, отделяющей южные предгорья Калбинского хребта от Северного Призайсанья. Однако за последние 15-20 лет болотная сова по Иртышу ниже Усть-Каменогорска и на территории Кулуджунского зоологического заказника стала большой редкостью.

Литература

- Гаврин В.Ф. 1962. Отряд Совы – Striges // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **2**: 708-779.
- Березовиков Н.Н. 1989. *Птицы Маркакольской котловины (Южный Алтай)*. Алма-Ата: 1-200.
- Березовиков Н.Н., Егоров В.А. 2007. К орнитофауне окрестностей Усть-Каменогорска // *Рус. орнитол. журн.* **16** (363): 791-797.
- Березовиков Н.Н., Лухтанов А.Г., Стариков С.В. 1993. Птицы Бухтарминской долины (Южный Алтай) // *Современная орнитология 1992*. М.: 160-179.
- Березовиков Н.Н., Самусев И.Ф., Хроков В.В. 2000. Материалы к орнитофауне поймы Иртыша и предгорий Алтая. Часть 2. Falconiformes, Columbiformes, Cuculiformes, Strigiformes, Caprimulgiformes, Apodiformes, Coraciiformes, Piciformes // *Рус. орнитол. журн.* **9** (93): 3-20.
- Лухтанов А.Г., Березовиков Н.Н. 2003. Материалы к орнитофауне Бухтарминской долины (Юго-Западный Алтай) // *Рус. орнитол. журн.* **12** (239): 1130-1146.
- Стариков С.В. 2006. Аннотированный список птиц Катон-Карагайского национального парка и прилегающих территорий Алтая // *Тр. Катон-Карагайского национального парка*. Усть-Каменогорск, **1**: 147-241.
- Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии*. М.; Л., **1**: 1-320.
- Хроков В.В., Березовиков Н.Н. (1990) 2011. К фауне сов Верхнего Прииртышья // *Рус. орнитол. журн.* **20** (712): 2472-2474.
- Щербаков Б.В. 2005. Наблюдения за птицами Западно-Алтайского заповедника осенью 2005 г. // *Каз. орнитол. бюл.* 2005: 139-142.
- Щербаков Б.В., Березовиков Н.Н. 2007. Фауна птиц Западно-Алтайского заповедника // *Тр. Западно-Алтайского заповедника*. Алматы, **1**: 41-87.

О территориальном и охотничьем поведении чеглока *Falco subbuteo* и чёрного коршуна *Milvus migrans* на Южном Алтае

Н.Н.Березовиков

Второе издание. Первая публикация в 2001*

В основу данной статьи положены многолетние наблюдения (1978-1986) за поведением чеглока *Falco subbuteo* и чёрного коршуна *Milvus migrans* на Южном Алтае, а также в других районах Восточно-Казахстанской области.

Чеглок *Falco subbuteo*

Считается, что чеглок – узкоспециализированный хищник, использующий в охоте не более двух приёмов: так называемые «ставки» и вспугивание птиц с земли или воды с последующей их ловлей во время взлёта (Данилов 1976). В действительности способы охоты чеглоков разнообразны и заслуживают более подробного рассмотрения. Наиболее типичный и распространённый способ – охота за стрекозами, майскими жуками, крупными бабочками и жуками-дровосеками. При этом соколки охотятся на бреющем полёте как над лесными распадками, так и вдоль побережий озёр, мелководными заливами со сплавинами, над руслами ручьёв и речек. Заметив насекомое, сокол настигает его, выставляя вперёд лапы, и схватывает добычу одной из них. Насекомое съедает в полёте, подтягивая лапу с ним к клюву.

Разнообразны охоты чеглока и за птицами. Обычно он ловит их попутно при поисковых полётах за насекомыми. Часто, особенно в весеннее время, охотится за птицами специально, стремительно проносясь вдоль береговой линии озера и прибрежных зарослей, схватывая кормящихся трясогузок и куличков. Нападает также на совершающих токовой полёт черноголовых чеканов *Saxicola torquata*, серых славок *Sylvia communis*, лесных *Anthus trivialis* и горных *A. spinoletta* коньков. Однажды (22 августа 1980) чеглок, заметив в заливе крупного пухового утёнка серой утки *Anas strepera*, трижды зависал над ним, пытался безуспешно схватить за голову, но тот каждый раз спасался, ныряя в воду. Н.А.Зарудный (1888) наблюдал случай, когда чеглок, преследующий береговую ласточку *Riparia riparia*, спикировал и схватил с воды птенца красношейной поганки *Podiceps auritus*. Способен он нападать

* Березовиков Н.Н. 2001. О территориальном и охотничьем поведении чеглока и чёрного коршуна на Южном Алтае // *Беркут* 10, 1: 105-110.

и на более крупных птиц размером до вяхиря *Columba palumbus*, чирка и даже тетёрки *Lyrurus tetrrix* (Корелов 1962). Нами лишь однажды наблюдались безуспешные попытки преследования и нападений этого сокола на чибиса *Vanellus vanellus*. Подобные же факты описаны в литературе (Зарудный 1888; Галушин 1980).

Нередко чеглоки охотятся в населённых пунктах за деревенскими ласточками *Hirundo rustica*, причём в 1979 и 1980 годах на озере Маркаколь одна находившаяся под наблюдением пара специализировалась на добыче этих птиц. Чаще всего появившегося в деревне чеглока ласточки встречают тревожным щебетом и преследуют его стаей по 5-15 особей. При этом сокол иногда замедляет полёт, пропуская вперёд преследующую его стаю, и стремительным броском настигает одну из птиц. В других случаях, когда стая ласточек настигает его, чеглок делает стремительный разворот и хватает одну из налетевших на него птиц. Реже охотится в классическом стиле – с вершины горы, высматривая добычу с одной из лиственниц. Выждав момент, чеглок пикирует в посёлок на скопление ласточек с молодняком с расстояния 500-1000 м и атакует одну из намеченных птиц. Если «ставка» была неудачной, то сокол непродолжительное время (5-10 с) по инерции преследует ласточку, возвращается на излюбленный наблюдательный пункт и через 5-10 мин повторяет нападение.

Нередко наблюдались чеглоки, следующие за машинами на протяжении 1-5 км, предпринимая попытки схватить взлетающих с дороги или обочин садовых овсянок *Emberiza hortulana*, черноголовых чеканов, лесных коньков и других птиц. Причём, некоторые соколки, сопроводив таким образом одну машину, начинают следовать за другой. С этой же целью они охотятся около работающих на сенокосных лугах тракторов, сенокосилок и конных граблей. Часто охотятся за вспугнутыми птицами вблизи стад овец, коров или лошадей, особенно во время перегона их по луговым участкам или горным склонам. Имеются наблюдения, что чеглок также ловит мелких птичек, выпугиваемых идущим поездом (Мантейфель 1980).

Несколько раз отмечались факты использования чеглоком во время ловли птиц охотника, идущего с ружьём. Так, 31 июля 1979 на озере Маркаколь следовавший за нами чеглок буквально в двух метрах схватил взлетевшего молодого перевозчика *Actitis hypoleucos*, которого мы пытались добыть для коллекции. В другом случае (22 августа 1979) мы вспугнули на ручье бекаса-отшельника *Gallinago solitaria*, и когда он перелетал через поляну, в его сторону спикировал чеглок, но кулик уже успел сесть в тальники. Чеглок уселся на вершину соседней берёзы и стал наблюдать за моим продвижением. Стоило ещё раз вспугнуть бекаса, как сокол за секунду до выстрела влёт успел схватить его и унести. В третьем случае (30 мая 1983) после неудачного выстрела по

варакушке *Luscinia svecica* чеглок, охотившийся поблизости с нами на отмелях озера, начал преследовать улетающую птичку и безрезультатно пытался её поймать. О.Н.Данилов (1976) также сообщает, что чеглок поймал выпугнутых из травы идущим человеком белошапочную овсянку *Emberiza leucosephala* и коростеля *Crex crex*.

Чеглоки также охотятся, следуя на некотором расстоянии за лунями, вспугивающими из травы мелких воробьиных птиц (Корелов 1962, Данилов 1976; Костин 1988). Нами подобные факты не отмечались, но имеются наблюдения, когда в ерниковой тундре на водоразделе полевой лунь *Circus cyaneus* пытался ловить белых куропаток *Lagopus lagopus*, выпугиваемых человеком, идущим по зарослям кустарника.

Остановимся ещё на нескольких интересных моментах охотничьего поведения чеглока. Один из них касается необычного приёма поимки птицы. Так, в одном случае сокол, вспугнув с дороги малого жаворонка *Calandrella brachydactyla*, совершил две виртуозных «мёртвых петли», при этом жаворонок был схвачен в момент, когда сокол находился в положении «спиной вниз».

Во время вечерних отловов паутинными сетями маскированных трясогузок *Motacilla personata* в местах их групповых ночёвок в густых ивняках на заболоченном берегу Маркаколя чеглоки, неожиданно появляясь, пытались ловить вспугнутых птиц и дважды выхватывали бьющихся в сетях трясогузок.

Многочисленно нами наблюдались случаи вечерней и ночной охоты чеглоков над заливами озера и на остепнённых склонах гор, освещённых ярким лунным светом (до 21 ч – 22 ч 30 мин). В последнем случае чеглок плавно, подобно луням, парит на высоте 10-15 м, временами пикирует и проносится в 20-30 м над поверхностью земли, делает разворот и летит снова прямолинейно; неожиданно затормаживает полёт, вытянув лапу и схватывая взлетевшую кобылку, взмывает вверх и, медленно планируя и нагнув голову, в несколько приёмов съедает добычу, так что при лунном свете иногда хорошо заметны падающие надкрылья насекомого. Охотятся молча в одиночку или парой по 10-30 мин, совершая круги в радиусе 50-100 м. За время охоты несколько раз отдыхают на столбах или камнях по 2-4 мин. Доля успешных бросков составила 86%.

Вечерняя и ночная охота чеглока – уникальное явление в жизни этого сокола. Скорее всего, это не что иное, как удовлетворение собственных потребностей в пище на ночь, перенесённое на столь поздние часы, вероятно, вследствие высокой интенсивности кормления птенцов перед закатом. В.М.Галушин (1980) сообщает об охоте чеглоков за летучими мышами почти до самой темноты, а М.Н.Корелов (личное сообщение) наблюдал случаи удачной охоты этих соколов за летучими мышами в глубоких сумерках.

Охотятся за прямокрылыми чеглоки и днём. При этом птицы летают на бреющем полёте над самой землёй, выпугивая крупных кобылок и ловят их в полёте. Особенно часто это наблюдается в тех местах, где в массе появляются саранчовые. В одном случае (29 августа 1979) мы проследили, как чеглок, сидя на земле и заметив взлетевшую с характерным треском крупную кобылку, срывается и моментально ловит её в полёте. Опустившись на землю и съев добычу, он вновь выжидает следующего взлёта кобылок.

Интересны взаимоотношения чеглоков с другими птицами, особенно хищными. Обычно эти соколы защищают свою гнездовую территорию в радиусе 500-1000 м от гнезда. Особенно активно изгоняют с неё перепелятников *Accipiter nisus*. Так, 1 августа 1979 чеглок, заметивший перепелятника, поймавшего в селе деревенскую ласточку, гнался за ним около 700 м, пикируя и нанося ему удары в спину. В другой раз (2 августа 1978) ястреб, схвативший пролетавшего вдоль берега озера молодого удода *Upupa epops*, был тотчас сбит чеглоком и упал в воду. Когда он взлетел, то после следующего удара в спину упал с добычей в прибрежные заросли тальников, куда тотчас залетел и нападавший чеглок. К сожалению, при нашем приближении обе птицы были испугнуты, и конец столкновения проследить не удалось. По нашему мнению, в данном случае, кроме явного изгнания перепелятника со своей территории (поблизости у чеглока было гнездо), имело место и явление паразитизма, что известно для чеглока и речной крачки *Sterna hirundo* в Кулунде (Данилов 1976). Ещё в одном случае (12 июля 1980) самец чеглока в 200-300 м от своего гнезда стремительно с пронзительными криками гнался за перепелятником, несущим в лапах мелкую птицу. Когда сокол настиг ястреба, тот, увернувшись от удара, сел в густую крону лиственницы. Чеглок продолжительное время следил за ним с вершины соседнего дерева. Когда перепелятник, испугавшись нашего появления взлетел, то тотчас же подвергся стремительной атаке сокола и ещё долго преследовался им.

Самец обычно кормит самку на гнезде или около него (Березовиков, Зинченко 1988). Однако наблюдались случаи, когда голодная самка следовала за охотящимся самцом, отбирая у него добытый корм. Однажды (25 мая 1983) после продолжительного похолодания со снегопадами чеглоки охотились парой над берегом Маркаколя. Самец атаковал и сбил над озером чёрного стрижа *Arus arus*, подхватил его в падении, но не смог сразу справиться с сильно бьющейся птицей. В это время подлетевшая снизу самка с криком пыталась вырвать из лап самца добычу. Не уступая добычу друг другу, они падали вниз около 5 м и уже над самой водой самка спланировала в сторону, а самец ещё около 1 мин боролся со стрижом, который в конце концов вырвался у него из лап и упал на берег, где и был подобран нами.

Чёрный коршун *Milvus migrans*

Являясь типичным полифагом, коршун использует множество способов отыскивания и добычи корма: охоту с воздуха медленным гребным (машущим) полётом в сочетании с планированием (скольжением без взмахов крыльями) и парящим полётом, скрадывание добычи поисковым полётом, выпугивание её быстрым полётом низко над землей, высматривание жертвы балансирующим полётом (планирование против ветра, почти не двигаясь и не трепеща крыльями), выискивание с одного места (с возвышений), подкарауливание у нор и охота «пешком» на земле (Варшавский 1963). Обычно перечисленные способы комбинируются, но в зависимости от местных условий и кормовых объектов развитие получают один или два из них, остальные же остаются дополнительными и применяются при возможности.

Наблюдения в казахстанской части Алтая показывают, что коршуны в данной местности проявляют выраженные черты антропофильности и тяготеют при гнездовании к окрестностям сёл. Особенно хорошо это заметно в горно-лесной части, где большинство встреченных пар держится вблизи деревень (Березовиков 1989). Так, в котловине озера Маркаколь в радиусе 1 км от населённых пунктов ежегодно гнездится по 1-2 пары коршунов, а в целом 70-80% пар тяготеет к посёлкам. Ежедневно весной и летом здесь можно видеть 1-4 коршунов, охотящихся над прибрежными деревнями и отдыхающих на их окраинах на телеграфных столбах или сухих вершинах деревьев.

Другая черта коршуна в казахстанской части Алтая – регулярное присутствие на крупных свалках, особенно близ городов, больших посёлков и птицеферм, где постоянно можно видеть до 10 и даже 20-25 птиц. Многолетнее изучение озёрной популяции коршунов на Маркаколе показывает, что здесь он – преимущественно рыбацкая птица, специализирующаяся, главным образом, на поедании снулой рыбы: пескарей *Gobio gobio*, ленков-ускучей *Brachymystax lenok*, хариусов *Thymallus arcticus*. Чаще всего коршуны охотятся вдоль береговой полосы, облетая акваторию и схватывая с водной поверхности мёртвую рыбу, либо обнаруживая её в полосе прибоя выброшенной на берег. Наряду с чёрной вороной *Corvus corone orientalis*, черноголовым хохотуном *Larus ichthyaetus* и озёрной чайкой *L. ridibundus*, коршун является здесь основным потребителем мёртвой рыбы, и его по праву можно считать полезной птицей и санитаром водоёма.

Охотничьи приемы при добыче рыбы заключаются в схватывании её с воды. При этом чаще всего коршун подбирает её во время волнобоя на озере, подхватывая с гребня волны. Пескарей, как правило, поедает в полёте, держа рыбу в одной лапе и отщипывая от неё кусочки. Крупную рыбу (свыше 100 г, чаще всего мёртвых ленков-ускучей) во-

локом дотаскивает до берега и поедает на земле. За живой рыбой обычно охотится на мелководье, при этом в основном ловит малоподвижных пескарей, очень сильно заражённых лигулами.

В местах рыбного промысла нередко наблюдается концентрация коршунов в тех местах, где рыбу вытаскивают на берег неводами, после чего там остаётся множество рыбной мелочи, в особенности пескарей, которых из-за сильной зараженности плероцеркоидами лигул местные жители не используют для пищи и обычно выбрасывают. В мае-июне, во время нереста на озере Маркаколь ленка и хариуса, когда рыба в массе движется вверх по рекам и ручьям, коршуны охотятся вдоль речных русел, подбирая мёртвую или ослабленную рыбу. В местах, где браконьеры перегораживают речные русла и рыба гибнет в большом количестве, коршуны держатся регулярно, при этом отмечаются скопления до 5-10 особей. В одном случае (15 июня 1982) на речке Глуховой наблюдалось скопление из 62 коршунов, представленное в основном неполовозрелыми особями.

В апреле-мае прилетевшие коршуны охотятся на озере Маркаколь чаще всего у полыней на мелководьях за пескарями, а также облетают многочисленные рыбацкие лунки в местах подлёдного лова, где подбирают брошенных рыбаками пескарей.

Регулярно коршуны в поисках корма залетают в населённые пункты. Нам известно 8 случаев похищения ими цыплят и несколько неудачных попыток их похищения. В связи с этим у местных жителей издавна существует отрицательное отношение к коршуну и наблюдаются попытки при любой возможности его отстрела. В одном случае, в августе 1980 года, в желудке молодого коршуна, добытого из докармливаемого выводка, обнаружены остатки котёнка. Охоту за утятами домашних уток удалось наблюдать лишь один раз (26 июля 1980). При этом коршун сначала напал на уток на озёрном мелководье, поросшем мелким ивнячком, выгнал их на открытое водное пространство и после того, как они сбились в плотную стаю, стал нападать на отставшего утёнка. Делая частые развороты, он пикировал над водой, пытаясь схватить его лапами за голову, но птенец каждый раз спасался нырянием. Настойчивые нападения продолжались около 10 мин, до тех пор, пока хищника не отпугнул от уток местный житель. И ещё в одном случае (29 июля 1983) на озере видели, как коршун безрезультатно пытался схватить с крутой волны пухового птенца связи *Anas penelope*.

Коршуны нередко, особенно весной, посещают сельские свалки, где поедают выброшенные после разделки внутренности рыбы, а также кормятся на падали. Однажды (9 июля 1981) наблюдали коршуна, подобрывшего в ограде одного из домов куриное крыло, использовавшееся для подметания полов, и пытавшегося выклёвывать сохранившиеся

мышцы, при этом это крыло было отобрано у коршуна двумя чёрными воронами.

Коршунам свойственно также явление нахлебничества – отбирания корма у других птиц. Отмечались неоднократные попытки нападения коршунов на скоп *Pandion haliaetus*, несущих рыбу (Березовиков 1984). Нападают коршуны и на чёрных ворон. Так, 26 мая 1981 коршун атаковал ворону, несшую в клюве корм. После недолгого преследования ворона бросила пищу, которую сразу же подобрал коршун. Затем он сам подвергся нападению двух ворон, от которых улетал, пассивно увёртываясь. Впрочем, коршуны иногда и сами становятся жертвами нахлебничества. Например, 17 мая 1982 мы видели, как на коршуна, поймавшего рыбу, напала чёрная ворона, которая подобрала оброненную им добычу. Хищника же, пытавшегося отбить утерянную рыбу, тотчас прогнала появившаяся вторая ворона. При отбирании корма коршуны иногда используют тактику резкого испугивания птиц. Например, в селе Урунхайка кружащийся коршун, заметив ворон, кормящихся на проезжей части дороги, стремительно спикировал, облетел вокруг домов и неожиданно появившись из-за угла, напугал ворон и завладел оставшимся кормом.

Иногда коршуны довольствуются остатками трапезы других хищников. Нам доводилось наблюдать коршунов, подолгу выжидающих окончания кормёжки орлана-белохвоста *Haliaeetus albicilla*. Охотно они выискивают корм, летая по дорогам, где подбирают погибших под колёсами машин мелких животных (ящериц, змей, лягушек, сусликов, хорьков и др.). Подбирают они и другие предметы, зачастую мало удовлетворяющие птицу в пищевом отношении. Так, обследуя 9 июня 1983 на Маркаколе в заболоченном березняке кормовой столик коршуна, устроенный на поваленной берёзе в 10 м от гнезда, мы обнаружили на нём среди остатков добычи сильно засохшую рыбу (ленок), зловонные клочки бараньей шкуры (вероятно, принесённые со скотомогильника), засохшую до состояния мумии тушку клушицы *Pyrhocorax pyrrhocorax* и промасленную брезентовую рукавицу!

При всей кажущейся на первый взгляд медлительности и невысоких лётных качествах коршун, в действительности, обладает исключительной виртуозностью и маневренностью полёта. Нам доводилось наблюдать (13 июня 1981), как при ожесточённых нападениях вороны на коршуна, залетевшего на её гнездовой участок, он дважды подряд перевернулся через голову, а затем несколько раз классически демонстрировал «мельницу», переворачиваясь с крыла на крыло. Иногда между коршунами происходят конфликты, переходящие в схватки. Так, 15 мая 1981 видели, как два коршуна, сцепившись лапами, долго падали вниз и разлетелись уже над самой водой. Впрочем, в другой подобной стычке одна из птиц упала в воду и выбиралась на берег вплавь. В

другом случае (18 апреля 1982) коршуна, залетевшего на гнездовой участок другой пары, самец-хозяин агрессивно изгонял на протяжении 400 м, при этом хищники дважды схватывались лапами и, падая, дважды вместе легко переворачивались через крыло («мельница»). В другой раз, в подобной же ситуации, преследуя чужака, самец настиг его и схватил лапами за правое крыло, в результате чего он, потеряв инерцию полёта, перевернулся через голову, вывернувшись из когтей преследователя. Несколько раз эта преследуемая птица опрокидывалась на спину и, сцепившись с преследователем когтями и держа крылья распротёртыми, пролетала в подобном положении по прямой 5-10 м, а в дальнейшем опять опрокидывалась на спину, отбивала лапами ожесточённые атаки нападавшего. При столкновениях слышались пронзительные крики типа «стриии». Самка, находившаяся в это время поблизости, участия в конфликте не принимала, но постоянно издавала звонкие призывные крики «кий-кикики». Характерный же территориальный крик коршуна звучит как звонкая «разбойничья» трель «фиурльрльрль». Охотящиеся самцы чаще всего издают крик «фюююрль». Самка, находящаяся на гнездовом участке и требующая у самца корм, способна издавать крик в среднем через каждые 30 с, а в одном случае за 15 мин она издала 64 просящих крика.

Литература

- Березовиков Н.Н. 1984. *Скопа*. Алма-Ата: 1-79.
- Березовиков Н.Н. 1989. *Птицы Маркакольской котловины (Южный Алтай)*. Алма-Ата: 1-200.
- Березовиков Н.Н., Зинченко Е.С. 1988. К биологии чеглока (*Falco subbuteo*) в горно-лесной части Южного Алтая // *Экология и поведение птиц*. М.: 70-74.
- Варшавский С.Н. 1963. Особенности питания чёрного коршуна в Актюбинских степях // *Орнитология* 6: 210-215.
- Галушин В.М. 1980. *Хищные птицы леса*. М.: 1-158.
- Данилов О.Н. 1976. *Хищные птицы и совы Барабы и Северной Кулунды*. Новосибирск.: 1-158.
- Зарудный Н.А. 1888. Орнитологическая фауна Оренбургского края // *Зап. Акад. наук* 57, прил. 1: 1-338.
- Корелов М.Н. 1962. Отряд Хищные птицы – Falconiformes // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 2: 509-514.
- Костин А.Б. 1988. Численность и территориальный консерватизм хищных птиц Центрально-Чернозёмного заповедника // *Сезонные перемещения и структуры популяций наземных позвоночных животных*. М.: 90-101.
- Мантейфель Б.П. 1980. *Экология поведения животных*. М.: 1-220.

О миграциях пуночек *Plectrophenax nivalis*

В.А.Арсеньев

Второе издание. Первая публикация в 1947*

Как известно, область гнездовой пуночек *Plectrophenax nivalis* не выходит за пределы тундр, но на зиму они большими стаями откочёвывают на юг, доходя до средней Европы и южной Сибири. С приближением весны пуночки снова начинают перемещаться на север и к началу гнездового периода достигают области тундр, где происходит гнездование и вывод птенцов. Пути весенних и осенних перелётов пуночек ещё недостаточно выяснены. Для изучения этого вопроса было проведено кольцевание этих птиц. В 1938 и 1940 годах в бухте Омулёвая (устье Енисея) А.И.Гизенко окольцевал 159 птиц. В 1938 году с 7 по 28 августа было окольцовано 25 пуночек и в 1940 году с 30 апреля по 29 мая – 134 птицы. Кроме того, небольшое количество пуночек было окольцовано на Новой Земле и в Гыданской тундре.

В настоящее время в Центральное бюро кольцевания поступило несколько интересных сообщений о встречах окольцованных пуночек.

Из окольцованных в Омулёвой бухте пуночек три были пойманы на территории Омской области, примерно в одном и том же направлении (на юг-юго-запад) от места кольцевания. Одна птичка (F 69638) поймана 27 апреля 1941 в посёлке Нуга Надымского района Ямало-Ненецкого автономного округа, расположенном в самом верховье Обской губы. От места кольцевания этот пункт находится примерно в 750 км (все расстояния считаются по прямой линии). Вторую птичку (F 69604) 3 мая 1941 поймал колхозник юрт Ям-Горт Шурышкарского района Омской области П.Д.Рочев (около 180 км на юг от города Сале-Хард). Эта пуночка была поймана более чем за 1000 км от места кольцевания, но в том же направлении, что и первая. Наконец, близ посёлка Щучье (около 100 км на север от Сале-Харда) в начале мая 1941 года была обнаружена ещё одна пуночка (F 69677). От места поимки этой птички до места кольцевания около 700 км.

Как указано, эти особи были окольцованы в Омулёвой бухте, причём F 66604 окольцована 1 мая, F 69638 – 11 мая и F 69677 – в первой половине мая 1940 года. Судя по времени добычи, все эти пуночки пойманы во время весеннего перелёта к местам гнездовых, но вызывает некоторое сомнение поздний срок, так как в 1940 году в это время пу-

* Арсенев В.А. 1947. О миграциях пуночек *Plectrophenax nivalis* Linnaeus // Тр. Центр. бюро кольцевания 6: 95-96.

ночки уже кольцевались в Омулёвой бухте. По-видимому, поздняя весна 1941 года несколько задержала птичек на местах зимовки.

Особняком стоит четвёртый случай встречи окольцованной пуночки (F 69624). Эта птичка, окольцованная в Омулёвой бухте 9 мая 1940 поймана в мае 1941 школьниками посёлка Индига, расположенного в бухте Индига (Чёшская губа в Баренцевом море). Она была поймана более чем в 1500 км от места кольцевания, почти в западном направлении, что позволяет думать о нескольких путях миграции пуночек.

Таким образом, имеющийся у нас небольшой фактический материал позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Можно предположить, что осенние миграции пуночек, гнездящихся в устьях Оби и Енисея, происходят в двух направлениях. Часть птиц (вероятно, большая) летит на юг и юго-запад и проводит зиму в южной части Омской, Свердловской, Челябинской и других областях Западной Сибири, а быть может спускается и в северные области Казахстана. Другая часть птиц летит, по-видимому, на запад вдоль морского побережья и только миновав Урал начинает поворачивать на юг и юго-запад, появляясь зимой в средних областях европейской части Советского Союза. Возвращаясь весной, они летят сначала на север, встречаясь у побережья Баренцева моря.

Эти сообщения подтверждаются находкой 26 апреля 1938 у Сале-Харда пуночки, окольцованной 11 мая 1936 на протоке Айви-Яха реки Юрзобей близ Гыданского залива (F 20594), приблизительно под $71^{\circ} 10'$ с.ш. и 40° в.д.

Последняя находка (F 48919) относится к пуночке, окольцованной в июне 1933 года на Новой Земле у мыса Лагерный. Она 17 апреля 1935 была добыта в Ижемском районе на территории Коми.

